

СМЫСЛЫ КАК КЛЮЧЕВАЯ, КАЧЕСТВЕННАЯ И СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНЕННОГО МИРА

Ж. Т. ТОЩЕНКО¹⁾

¹⁾Журнал «Социологические исследования»,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

Посвящена методологической наполненности категорий «смысл» и «смысл жизни» в контексте теоретической концепции «социология жизни». Представлена эволюция трактовок смысла в философской, психологической и социологической традициях. Акцентируется внимание на качественной определенности смысла жизни как индикаторе происходящих изменений в современной социальной реальности.

Ключевые слова: смысл; смысл жизни; социология жизни; жизненный мир; основные компоненты; сознание; поведение; среда; объяснительная модель.

SENSE AS A KEY, QUALITATIVE AND ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF THE LIFE-WORLD

Zh. T. TOSHCHENKO^a

^aJournal «Sotsiologicheskie issledovaniya»,
Krzhibzhnovskogo street, 24/35, building 5, 117218, Moscow, Russia

The article is devoted to the methodological fullness of the categories of sense, sense of life in the context of the theoretic conception «sociology of life». The evolution of their interpretations is given in the philosophic, psychological and sociological traditions. Attention is paid to the qualitative certainty of the sense of life as an indicator of ongoing changes in modern social reality.

Key words: sense; sense of life; sociology of life; life-world; main components; consciousness; behavior; milieu; explanatory model.

Введение

Рассматривая жизненный мир сквозь призму его основных компонентов – сознание, поведение, социальную среду, – мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: все ли сущностные характеристики общественной (публичной) и личной (приватной) жизни людей отражены при таком подходе? На наш взгляд, *показатели сознания, поведения и социальной среды, образуя синтезирующее понятие «жизненный мир», все же требуют наличия еще одного индикатора, характеризующего, выражающего и венчающего его ключевое, истинное, глубинное и качественное содержание.*

Образец цитирования:

Тощенко Ж. Т. Смыслы как ключевая, качественная и сущностная характеристика жизненного мира // Социология. 2016. № 3. С. 52–64.

For citation:

Toshchenko Zh. T. Sense as a key, qualitative and essential characteristic of the life-world. *Sotsiologiya*. 2016. No. 3. P. 52–64 (in Russ.).

Автор:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор; главный редактор.

Author:

Zhan Toshchenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor; chief editor. zhantosch@mail.ru

Таким индикатором выступают *смыслы жизни*, отражающие содержание общественного сознания, поведения (деятельности) в условиях определенной социальной среды. При всем многообразии характеристик жизни человека смыслы выступают понятиями и, соответственно, показателями, которые выражают целостное видение, главные (основные, определяющие) ценности-принципы, связанные с целевыми установками. В этом контексте справедливо замечание Дж. Александера (р. 1947) о том, что на протяжении большей части своего развития социология характеризовалась определенной нечувствительностью к проблемам смысла [1, с. 65].

Трактовка концепции «социология жизни», описание многообразия жизненного мира, исследование понятия «смысл» предполагают выявление качественной определенности общественного сознания, поведения и социальной среды. Смысл в этом случае представляет собой некую итоговую, ключевую сущность происходящих изменений социальной реальности, глубинное содержание бытия, которое можно постичь с помощью интерпретации полученных в процессе социологического исследования показателей и индикаторов.

Прежде чем приступить к социологической объяснительной модели понятия «смысл жизни», обратим внимание на распространенность его использования в научной литературе, политике, экономике, сфере литературы и искусства, а также в повседневной жизни. Так, встречаются, например, такие выражения: «университет как смысл жизни» [2], «смыслы триединой русско-российской революции» [3], «смыслы в культуре и образовании» [4, 5], «роль академической экспертизы в придании смысла политическому режиму» [6], «художественная литература помогает понять смысл», «подарок со смыслом» и т. д. Широкое применение термина породило различные его трактовки, имеющие разное наполнение. Одно дело, когда говорят о смысле жизни, совсем другое – когда рассуждают о смысле политики, смысле конкретного действия и т. д. Чтобы раскрыть тему, предлагаем совершить краткий исторический экскурс.

Эволюция идей

Прежде всего напомним: трактовка понятия «смысл» имеет два основных направления. Первое связано с теорией, логической семантикой, которая на формально-логической основе помогает понять, почему, например, знак, обладающий смыслом, можно использовать как «этикетку», целесообразно соотносящую обозначаемое с общим порядком вещей. Второе связано с научной областью философии и психологии, где смысл применяется для трактовки социальной реальности во всем ее многообразии. Здесь в первую очередь имеется в виду такое ключевое понятие, как смысл жизни.

Представление о смысле имеет давнюю философскую традицию. Первые рассуждения на эту тему в неявной интерпретации появляются у Аристотеля (384–322 до н. э.). Они господствуют в его метафизике при рассуждении о «целесообразности природы и всего мирового процесса» [7, с. 32].

В процессе развития науки содержание понятия «смысл» анализировали многие ученые. Б. Рассел (1872–1970) определял смысл как сущность любого феномена, которая не совпадает с ним самим и связывает его с более широким контекстом [8]. Большое значение трактовке этого понятия уделял С. Л. Франк (1877–1950), утверждая, что познание общества лежит на путях внутреннего духовного освоения идеальных смысловых оснований социальных явлений [9, с. 317]. Ж. Делёз (1925–1995) определял смысл как «бес-телесную, сложную и не редуцируемую ни к чему сущность на поверхности вещей» [10, с. 38], в результате чего он предстает пред нами как маргинальное явление.

Современные российские философы и психологи также уделяют большое внимание интерпретации данного феномена [11]. Многие делают акцент на то, что только в процессе социального поведения складываются смысловые

коннотации [12, с. 25]. Например, А. В. Смирнов отмечает, что смысл раскрывается в соотношении явное – скрытое или внешнее – внутреннее, при этом смысл и форма неразрывны, что затрудняет решение эпистемологических задач [13, с. 29].

Сосредоточим основное внимание на том, что относится к смыслу жизни и его производным социальным характеристикам. Так, еще древнегреческие мыслители углублялись не в анализ смысла как такового, а в трактовку смысла жизни. В этом направлении заметно продвинулись пантеисты, а также материалисты, утверждавшие, что смысл жизни – в ней самой. Ведь тогда сохранение жизни и рост жизненной активности оказываются высшими ценностями. Подчеркнем, уже эти первые интерпретации сводились к тому, что поиск смысла жизни направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия, его сущности и содержания [14, с. 576–577].

В Новое время и Новейшее поиск ответа на вопрос о смысле жизни продолжился. Эволюционная этика Г. Спенсера (1820–1903) и его идейных последователей основывалась на том, что высшие духовные способности и стремления человека – это эволюционно возникшие средства борьбы за существование, за овладение жизненными ресурсами. Смысл жизни сводится к ее сохранению, воспроизводству и освобождению от страданий.

К трактовке смысла жизни глубоко подходил И. Кант (1724–1804). В основе его этики лежит суждение о самодостаточном индивиде. Согласно философу, само существование человека преследует высшую цель, которой, насколько это в его силах, он может подчинить всю природу [15].

При анализе смысла жизни следует обратиться к позиции австрийского психолога В. Франкла (1905–1997). Он пришел к выводу о том, что смысл жизни определяется совестью – «смысловым органом», «высшим судьей», именно она помогает человеку найти смысл, даже противоречащий сложившимся ценностям, если это необходимо для сохранения его достоинства и следования собственным жизненным принципам. Человек свободен, если в своих поступках руководствуется теми ценностями, которые сформировались независимо от жизненных обстоятельств и влияния социального окружения. Обрести смысл – полдела, необходимо жить в соответствии с уникальным смыслом своей жизни. Человек несет за это ответственность [16].

С развитием общества интерес к понятию «смысл» возрастал. Все больше и больше исследователей пытались найти новое объяснение смыслу, дать свою трактовку. Так, К. Ясперс (1883–1969) выдвинул к рассмотрению такой важный феномен, как смыслы исторического развития [17]. Эту тему продолжили Бергер (р. 1929) и Т. Лукман (1927–2016) [18].

Обобщив соображения и размышления своих предшественников, трудившихся в конце XIX – начале XX вв., Дж. Александер обосновал возможность применения смысла в исследовании социальной жизни и особенно культуры. Он объявил о радикальном методологическом повороте – от рассмотрения смыслов как переменных, зависимых от внешних социальных институтов, к рассмотрению их в качестве причин формирования «объективных структур» и событий «реального социального мира» [1, с. 92–93].

Что касается отечественных философов, то впервые обстоятельный анализ рассматриваемого нами концепта представлен в труде Е. Н. Трубецкого (1863–1920) «Смысл жизни». Здесь идет речь о «смысле-истине», составляющем содержание индивидуального сознания [19]. Эту точку зрения в определенной степени разделял и Н. А. Бердяев (1874–1948), когда говорил об «осмысленном существовании», ориентации на определяющие истину ценности (ценности могут быть преходящими, исчезать со временем) [20; 21].

В. М. Межуев (р. 1933) подчеркивает, что смыслы создаются живыми людьми. Сравнивая смыслы с ценностями, он заключает: «У ценностей нет

конкретного автора, они передаются из поколения к поколению часто в неизменном виде, в то время как каждое поколение по-новому переосмысливает свою жизнь» [22, с. 804].

Российские психологи многое сделали для разработки проблем смысла жизни как в плане личного восприятия, ее предназначения, так и в плане поиска смыслов в окружающей среде [23–26]. Особо следует отметить подход Д. А. Леонтьева. Согласно ему, смысл определяется местом объекта в жизни субъекта; воплощается в личностных структурах; обуславливает поведение субъекта по отношению к объекту [27, с. 165]. Кроме того, смысл задается социальной общностью [27, с. 51], что свидетельствует о прямой проекции на социологию.

У разных народов, культур представления о смысле жизни могут существенно варьироваться и, соответственно, приобретать разное звучание. Так, например, в философии мусульманского мира специфика смысла жизни сформирована под влиянием ислама и традиций Востока [13, с. 577–578]. На соотношение внешнего и внутреннего в понимании смысла обращает внимание В. Э. Чудновский (р. 1924), считая, что проблема активности внутреннего не является лишь преломлением внешних воздействий, а имеет свой непосредственный источник, свою особенную логику и направленность развития [26, с. 6].

Иногда понятие «смысл» отождествляют с понятием «значение» как указанием на осознаваемую и высоко оцениваемую направленность деятельности [28, с. 954–955]. На наш взгляд, *смысл и значение – это разные, хотя и взаимосвязанные категории*. Если концепт «значение» исходит из того, что опирается на оценку опыта и образует базу для критического или позитивного к нему отношения, на основе чего возможна (или невозможна) предполагаемая жизнедеятельность, то категория «смысл» всегда связана не столько с прошлым, сколько с настоящим и будущим, в которых отражается синергетическая сущность жизни. Следует подчеркнуть, что понятие «значение» всегда носит характер некой обобщенной данности, важной для группы, организации, общества; понятие «смысл» касается прежде всего конкретного человека, а также социальной группы, при определенных обстоятельствах – целого поколения. Иначе говоря, есть не только общий социальный смысл, но и смысл индивидуальной жизни. Но в любом случае смысл человеческой жизни, по мнению антропологов, выступает базовой ценностью, являясь более высоким уровнем регуляции поведения [29, с. 23, 27], что, на наш взгляд, коррелирует с концепцией социологии жизни, предполагающей исследование общественного сознания и поведения в качестве обязательной процедуры.

Таким образом, в рамках философской и психологической интерпретации поиск смысла жизни направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия. Этот поиск оказывается необходимым в случае, когда рушатся все опоры и индивид попадает в состояние аномии и особенно фрустрации. Жизнь без смысла означает, что человек лишен глубокой мотивации, внутреннего стержня и мощного «мотора», которые позволили бы ему взять собственную судьбу в свои руки и ощутить себя участником реальных социальных процессов. В данном ключе следует говорить о социологической интерпретации категории «смысл».

Социологическая трактовка смысла жизни

Одна притча рассказывает о любопытном человеке, встретившем рабочего с тачкой, доверху нагруженной кирпичами. «Что ты делаешь?» – спросил любопытный прохожий. «А ты разве не видишь? Везу кирпичи», – ответил тот. Пройдя какое-то расстояние, мужчина увидел другого рабочего с такой же тачкой и задал ему тот же вопрос. В ответ услышал: «Зарабатываю себе на хлеб». Третий встреченный рабочий дал другой ответ: «Строю кафедральный собор». Как видим, одни и те же действия могут иметь совершенно

разный смысл. Все зависит от того, какое значение человек придает тому, что он делает, почему и ради чего. Типичное социологическое исследование, которое имело бы объектом трудовую деятельность этих рабочих, могло бы выявить только отдельные ее компоненты: выполнение работы, наличие профессии или квалификации. Социологи могли бы также узнать мнение рабочих об условиях труда, организации, их мотивы и установки и т. д. Но этот традиционный подход не позволяет даже приблизиться к пониманию смысла жизни рабочих.

Не менее показателен пример о феномене зарождения протестантизма. Почему, например, вывешенные на улицах Виттенберга тезисы Лютера, внешне ничем не отличающиеся от других подобных афиш и объявлений, повлияли на мировую и европейскую культуру, стали созидательной силой, основой для формирования нового религиозного мировоззрения? [9, с. 317].

Принципиально новое значение призывов Лютера заключалось в том, что их содержание, оказавшее колоссальное влияние на становление новой религии, затрагивало глубинные пласты сознания людей, выявляло их насущную потребность в перестройке жизненных принципов с точки зрения реализации интересов и стремлений.

В обоих случаях (как и в массе других) мы видим необходимость познания нового для социологии понятия «смысл». В то же время отметим, что данная категория нашла достаточно широкое использование в других науках, особенно в философии и психологии. Но в связи с этим возникает вопрос: почему в социологическом знании она редко (недостаточно) применяется или в крайнем случае упоминается лишь в процессе анализа того или иного процесса или явления? Для уточнения сущности социологического подхода к смыслу жизни обратимся к генезису его идей.

Основы понимания смысла жизни с позиций социологии восходят к эпохе Просвещения. Выдающиеся представители этого периода – К. А. Гельвеций (1715–1771), Ж. Ж. Руссо (1712–1778), П. Гольбах (1723–1789) – делали упор на обосновании роли и значения смысла жизни. Суть понятия они трактовали по-разному: К. А. Гельвеций – как ориентацию на материальный интерес, Ж. Ж. Руссо – как чувства, П. Гольбах – как соединение в мышлении людей научных (нередко стихийных, неосознаваемых) представлений и обыденных забот и ориентаций. Но все они, несомненно, были единомышленны в одном: здравый смысл – это способность самостоятельно решать вопросы общественной и личной жизни, стремление к ее нормальному протеканию и рациональной организации [30].

Постепенно к проблемам смысла жизни начали обращаться и социологи. Определенное внимание смыслу и его социальной роли было уделено Э. Дюркгеймом (1857–1918). Он рассматривал смысл со стороны внешних, объективных по отношению к индивиду проявлений (фактов), в качестве которых он называл нормы права и нравы [31, с. 65–67]. Понимающую социологию, которую олицетворял М. Вебер (1864–1920), не удовлетворял такой подход, ведь смыслы принадлежат исключительно индивидуальному сознанию, с помощью которого интерпретируются действия других людей. Так как М. Вебер исследовал такие масштабные образования, как капитализм, протестантизм, он столкнулся с необходимостью объяснить уникальные смыслы индивидуального поведения, что отвечало требованиям социологического номинализма. Пытаясь преодолеть противоречие между объективным и субъективным, мыслитель предложил трактовать смыслы с помощью выявления общих значений, которые придавали люди своим и чужим социальным действиям. Для этого необходимо было создать особый научный феномен – «чистые типы» смыслов, свободные от вариаций, обусловленных индивидуальными особенностями [32, с. 603].

К теме смысла жизни обращался также Э. Гуссерль (1859–1938) [33]. Для А. Шюца (1899–1959) смысл был ключевым в трактовке и понимании

социальной реальности. По его мнению, жизненный мир – воплощение *жизнепрактических смыслов*, обладающих непосредственной очевидностью, и сочетание различных форм взаимосогласованного человеческого опыта [34]. Особого внимания заслуживает обоснование А. Шюцем теоретического положения о наличии у смысла измерений [35, с. 964]. Он ввел различие объективного и субъективного смысла, выделив три его измерения: 1) предметное, или тематическое; 2) темпоральное (связь смысла действия с прошлым и будущим); 3) социальное, связанное с мотивацией участников взаимодействия [36, с. 55].

Однако в современной социологии в большинстве случаев понятие «смысл жизни» используется вскользь, попутно, обычно при анализе и/или характеристике отдельных процессов и явлений.

В значительной степени это связано с тем, что оно достаточно сложно для эмпирической интерпретации. Социологи в процессе выяснения истинных, глубинных причин происходящих изменений часто попадают в затруднительное положение, когда оперируют проверенными практикой показателями, но исходят из разных трактовок предмета социологии. Недостаточно отчетливо это выражено и тогда, когда при изучении жизненного мира социологи оперируют данными, характеризующими внешнюю, поверхностную часть социальной реальности, окружающий макро-, мезо- и микромир [9]. Более того, используемые индикаторы смысла далеко не всегда дают ответ на вопрос, что же главное в жизненном мире, что определяет его качество, что в конечном счете выявляет человека в обществе, общество – в человеке [18].

Именно смысл жизни венчает наши рассуждения о социальной реальности, месте и предназначении человека в окружающем его социальном мире, его роли в обществе. Социологические исследования показывают, что одни и те же действия могут иметь разный смысл. Поэтому *в определении смысла жизни мы должны исходить не столько из теоретических построений, сколько из реальной действительности*, ибо только она направляет сознание и поведение людей.

Попытаемся внести определенность в социологическую трактовку индикаторов смысла жизни.

Основные характеристики смысла жизни

Анализ теоретических поисков и данных эмпирических исследований позволяет, на наш взгляд, утверждать, что *исходная характеристика понятия «смысл жизни» – цели-принципы*, которыми руководствуются люди. Именно они позволяют придерживаться устойчивых жизненно важных ориентиров, осмысленной установки, не зависящей от ситуативных процессов в обществе. Согласно А. Шюцу, смысл может быть связан не столько с научным, теоретическим познанием мира, желанием достичь истины, сколько с *жизнепрактическими установками и ориентациями, обладающими непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе и исторического* [37, с. 89].

Человек отдает себе отчет (осознанно или стихийно), рассуждая о *сущности и содержании* своей жизни, о том, каким образом он будет удовлетворять свои потребности и интересы.

Структуру жизненного мира определяет *мера – своеобразный «навигатор»*, по которому люди сопоставляют свои цели-принципы с нормами и требованиями общества, сравнивая и согласовывая их с целями-принципами других участников жизненного мира.

Смысл предполагает *осознание человеком своего предназначения и назначения окружающих его социальных институтов* (государства, семьи, образования, религии и др.).

Кроме того, смысл подразумевает под собой наличие *процесса созидания*. Это *своеобразный компас*, которым руководствуется человек в личной

и общественной жизни, *опираясь на исторический и индивидуальный опыт*. Иными словами, это конкретное выражение определенной жизненной стратегии как поиска самореализации [38].

Важная характеристика смысла жизни – *его превращение в жизненную необходимость, внутреннюю активность*, без которой человек не представляет свое дальнейшее развитие. Необходимость оправдывает достижение желаемых целей, к которым на основе глубокой внутренней мотивации стремится человек [39, с. 7].

Смысл жизни подразумевает активное участие в реализации целей. Подчеркнем, речь не просто идет о готовности к их реализации, а о самом процессе превращения цели-принципа в творческую деятельность [27, с. 26]. Смысл не может существовать вне согласования с действиями других участников социальной жизни. Индивид постоянно сопоставляет смысл своих действий со смыслом действий других людей и в соответствии с этим принимает решение (открыто или латентно), следовать принятой цели, вносить коррективы в алгоритм ее реализации или отказаться от нее. Так, еще Э. Гуссерль утверждал, что понимание социальной реальности и, соответственно, жизненного мира зависит от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия. По его мнению, между сознанием и реальностью лежит «подлинная бездна смысла» [33, с. 115].

Некоторые исследователи указывают на связь трактовки смысла с культурой, подчеркивая, что именно она (а не национальность или гражданство) определяет его основное содержание [22, с. 802–805; 42, с. 125].

Вместе с тем многие люди не имеют смысла жизни или руководствуются чем-то иллюзорным. Они живут, не беспокоясь о сути своего существования, хотя на интуитивном уровне смысл в той или иной степени присутствует в их сознании. Такая картина может говорить о бессмысленности существования. То есть речь идет о кризисе смыслоутраты (невозможности восстановить смысл своего существования), кризисе неоптимального смысла жизни [41]. Нужно учитывать тот факт, что существуют смыслы-заместители, скрывающие истинные смыслы действий людей, общественных и политических образований и объединений, экономических акторов, манипуляторов общественного мнения. При этом нередко используется эзопов язык [42].

Понимание категории «смысл» имеет большое значение для теоретической концепции социологии жизни. Это необходимо для установления полноты и качества жизненного мира. В настоящее время данный вопрос представляет для социологической мысли определенную сложность. Ведь смыслы часто скрыты, неочевидны, функционируют на уровне сознательной бессознательности, иногда преследуют цель скрыть свое истинное предназначение. Так, смысл обладания властью нельзя установить при помощи традиционных социологических методов, особенно когда исследование ограничивается одним-двумя методами. Что касается смыслового содержания, например техники, то, как отмечает З. А. Хазиев, оно не совпадает с функциональным назначением и связано с ценностным восприятием мира. Так, одним людям техника позволяет экономить силы, создает комфорт, другим – дает возможность реализовать творческие потенции [43, с. 333]. Необходимо определить набор социологических измерителей или найти новые инструменты, которые могут быть разработаны психологами, социолингвистами и др. Однако такой подход не умаляет значения социологического анализа жизненного мира и его основных компонентов (общественное, групповое и индивидуальное сознание, поведение (деятельность) и социальная среда).

На наш взгляд, *под смыслом жизни следует понимать совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок, олицетворяющих собой стержень сознания и поведения людей и составляющих основополагающее содержание их жизни*. То есть это основная цель, которая

может выступать и как обобщенная стратегическая установка всей жизни, и как ведущий ориентир в основных видах деятельности.

К вопросу о классификации смыслов жизни

Для понимания смыслов жизни важно представление об их структуре, которая образует основу для их классификации. Так, смыслы жизни могут быть основными и производными, а в ряде случаев – отклоняться от провозглашенных принципов по тем или иным причинам. В целом многообразие смыслов жизни – общественных, групповых, личных и т. д. – отражает следующую логику.

Во-первых, *смысл жизни можно анализировать, исходя из содержания стратегических ориентаций и установок, а также средств их достижения*. В процессе взаимодействия с окружающей действительностью смысл жизни может быть достигнут как через общие, так и через более конкретные цели, обычно отражающие назначение определенных видов общественной (публичной) и личной (приватной) деятельности.

Во-вторых, *смысл жизни не сводится только к одной, хотя и ключевой, основополагающей цели-принципу. Он воплощается в значимых и определяющих, хотя и производных, жизненных смыслах*, отражающих главные институциональные позиции человека как гражданина (на уровне общества), как жителя (на уровне территориальной общности) и как индивида (на уровне социального микроокружения). На уровне общества (макросреды) значимы *смыслы мировоззренческого (идеологического) характера*, которые во многом предопределяют основные установки жизнедеятельности как в рамках всего общества, так и на других ступенях его социальной организации. На уровне территориальной общности (различных типов поселений, образующих мезосреду) смыслы концентрируются вокруг проблем социального характера. На уровне микросреды значимым представляется достижение благоприятных межличностных отношений и обеспечение удовлетворительных условий для организации и осуществления личностно-повседневной жизни. Все эти смыслы реализуются в целях-принципах, выступающих для людей своеобразным ориентиром.

В-третьих, *огромную роль приобретают смыслы жизненных целей*, которые представляют собой наибольшую ценность и отражают главные функции деятельности в основных сферах современного общества: экономической, социальной, политической и духовно-культурной.

Кроме того, *использование категории «смысл» в социологии жизни* позволяет с особой наглядностью продемонстрировать реализацию принципов конструктивизма, подразумевающих смысложизненные ориентации: результат жизни (отношение к пройденному жизненному пути), процесс жизни (отношение к настоящему) и цели-принципы жизни (отношение к будущему) [44, с. 105; 28, с. 106; 39, с. 19]. Поэтому, на наш взгляд, чтобы всесторонне и полно охарактеризовать сущность смысла жизни как ключевой характеристики жизненного мира, необходимо учитывать время его реализации. При этом надо понимать, что смысл жизни ориентируется прежде всего на настоящее, которое находит отражение в социально-экономических, социально-политических и социально-культурных позициях людей в их взаимоотношении с внешним миром, а также в осознании их предназначения. Эта особенность смыслов нагляднее всего проявляется при сравнении с ценностями. «Ценности, как правило, наследуются, передаются по традиции, а смыслы всегда современны (своевременны)» [23, с. 804].

При выяснении смысла жизненного мира мы не можем полагаться только на рационалистический подход. Обратим внимание на тот факт, что еще Э. Гуссерль видел ограниченность привычной формы рационализма. Он полагал, что европейский рационализм Нового времени страдает

односторонностью, вытесняет духовное начало из области научного познания. Но, на наш взгляд, рационализм вытесняется и из реального содержания жизненного мира. Разве можно прийти к единому толкованию смысла проводимых в настоящее время либерально-рыночных реформ, которые по-разному трактуются различными политическими силами, нередко с взаимоисключающих позиций? Сегодня все более очевидным становится тот факт, что теория рационального выбора в применении к анализу жизненного мира теряет свою значимость, ибо социальная реальность в ее современном турбулентном воплощении все больше отходит от провозглашенных постулатов и заменяется так называемым иррациональным выбором [45, с. 3].

Попытка выяснения сущности смысла приводит к заслуживающему внимания выводу: нет смыслов вне материальных носителей. Именно этим утверждением отвергаются спиритуализм, объективный идеализм, крайняя форма субъективного идеализма (солипсизм), вся дуалистическая метафизика и, добавим, современные формы постмодернизма [46, с. 67].

Главные смыслы современного жизненного мира россиян

Характеристику основных смыслов жизни современного россиянина можно начать с анализа тех целей-ценностей, которые являются его принципиальной жизненной установкой. Именно она определяет его сознание и деятельность, сопоставляется с его социальным опытом. Смысл обуславливает взаимоотношения индивида с внешним миром, понимание им своего личностного предназначения.

Главный смысл, определяющий жизненный мир россиян, заключается, на наш взгляд, в *стремлении к социальной справедливости, социальной безопасности и защищенности, а также в желании понять, какое общество строится в России.*

Социальная справедливость понимается людьми по-разному в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в их сознании существует много представлений – и самых разных – о справедливости в целом. Общим является то, как человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, какое мироощущение формируется у него при взаимодействии с организацией, в которой он работает, учится и/или с которой периодически контактирует, с людьми, с которыми он непосредственно общается в повседневной жизни.

На наш взгляд, таким индикатором справедливости в первую очередь выступает мнение о том, каким желают видеть будущее России ее граждане. Данные исследования «Жизненный мир россиян»¹ показали, что 63,2 % россиян связывают будущее с обеспечением государством социальной справедливости, равных прав для всех. Это желание превышает все другие ориентации, даже такие важные, как обеспечение стабильности в обществе, отсутствие войн и революций (отметили 55 % респондентов) и возвращение России статуса великой державы (47,2 %). Нужно сказать, что представления россиян о социальной справедливости как первостепенной задаче государства фиксируют и специалисты Института социологии РАН, Института социально-политических исследований РАН, Левада-центра, Всероссийского центра изучения общественного мнения. Эта всеохватывающая нацеленность людей стала ведущей в структуре их ориентаций. Она могла бы стать той национальной идеей, той частью государственной идеологии, которая понятна, желаемая и убедительна для большинства. В этом контексте интересны данные о жизненных приоритетах, социальном

¹Исследование (25–30 окт. 2014 г.) «Жизненный мир россиян» проводилось под руководством автора. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, трудовому стажу. Проект проводился при поддержке Российского научного фонда.

настроении россиян, которое колебалось незначительно с начала 1990-х гг., несмотря на кризисные периоды в жизни государства [47–49].

Не менее показательна такая характеристика, как *социальная защищенность*, выраженная во многих значениях (например, личная безопасность, гарантия благополучия). И здесь дела обстоят не так оптимистично, как этого хотелось бы: отсутствие личной безопасности тревожит, по данным исследования, 90,2 % людей. А это значит, что человек измеряет ее гарантии там, где он живет и работает, а не в глобальном масштабе. И хотя обеспечение этой безопасности лежит на уровне регионального и муниципального управления, ее все же призвано дать государство. Именно на государственном уровне должны обеспечиваться права граждан на существование без опасения за свою жизнь и безопасную трудовую деятельность.

В основе определяющих ориентаций в жизненном мире россиян прямо или косвенно фигурирует также стремление обрести социальную устойчивость. Это, на наш взгляд, связано с желанием понять, какое же государство строится в России. Заявленная в Конституции Российской Федерации формулировка «социальное государство» определяется расплывчато и малопонятна для большинства людей. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что исследование «Жизненный мир россиян», проводившееся в 2014 г., выявило устойчивое стремление 55 % россиян жить в стабильном обществе. Причем эту нацеленность демонстрируют респонденты независимо от уровня образовательной подготовки и типа поселения. Что касается возраста, то 51,5 % 18–29-летних и 56,3 % опрошенных старше 60 лет ратуют за стабильность в развитии государства и общества. Анализ данных обращает внимание на то, что старшее поколение, пережившее войны (в том числе и холодную), острее реагирует на угрозы безопасности, чем молодежь.

Целесообразно отметить, как оценивают ситуацию в России в настоящее время. Исследование показало, что существуют две противостоящие друг другу позиции: 39,8 % респондентов оценили нынешнюю ситуацию как обычную, 6,6 % – как благоприятную, 36,6 % – как кризисную, 5,3 % – как катастрофическую. Налицо – раскол общественного сознания, олицетворяющий сложившуюся антиномию (присутствие взаимоисключающих смыслов). И каждая группа носителей этих смыслов имеет убедительные аргументы, чтобы доказать свою правоту и высказать свою оценку.

Так как очень часто в выступлениях политиков и некоторых политологов звучат слова о России как о демократическом государстве, важно соотнести это мнение с суждениями россиян. А реальность такова, что почти одна треть (29,3 %) респондентов не удовлетворена и более половины (55,7 %) частично удовлетворены состоянием демократии в России. Этот показатель значительно ниже аналогичного показателя в начале 1990-х гг., когда необходимость демократичного развития признавалась большинством населения. Демократия была лозунгом и ориентиром для тех, кто жаждал позитивных изменений и отвергал советское ее понимание. Но, как показывают данные, достижение смысла демократии оказалось далеко не таким, как ожидалось.

Анализ главных смыслов жизненного мира россиян свидетельствует о том, что за последнюю четверть века произошли кардинальные изменения в политической, экономической, социальной и духовной жизни общества. Это общеизвестная истина. Вопрос только, в каком направлении произошли эти изменения, как они сказались на жизни людей и насколько кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни.

Эти главные смыслы дополняются смыслами-целями-принципами, имеющими наибольшую ценность для человека и его деятельности в основных сферах общества (политика, экономика, социальная и духовная сферы).

Заключение

Жизнессмысловые основы отражают идеальное содержание, предназначение, а также стремление людей ориентироваться на достижение приемлемых для них целей. Последние представляют собой органическое соединение общих и индивидуальных категорий в их сопоставлении с требованиями окружающей действительности.

С точки зрения социологии жизни теоретическое и эмпирическое значение понятия «смысл жизни» позволяет не описывать или не умножать бесконечное число показателей и индикаторов публичной и частной жизни (что вполне приемлемо для всестороннего анализа), а выделить главное, основное, что определяет ее сущность и содержание. Более того, можно предположить, что проблема смысла жизни – это проблема существования человека и человечества. Приоритетной составляющей смысла жизни должно стать чувство гражданина – осознание того, что от тебя зависят общественный порядок, благополучие всех тех, кто составляет это человеческое общество [45, с. 18].

Таким образом, жизненный мир и его смыслы являются, во-первых, теоретически новаторскими и эвристически ценными понятиями, позволяющими более обстоятельно и глубоко ответить на злободневные вопросы развития общества с позиций концепции социологии жизни; во-вторых, новыми и значимыми эмпирически измеряемыми показателями и индикаторами, обеспечивающими более полное отражение сущности и содержания жизни общества и представляющих его людей; в-третьих, максимально удобными для использования в управленческой практике на всех уровнях социальной организации общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013.
2. Галажинский Э. Университет как смысл жизни // Экономические стратегии. 2015. № 3. С. 116–117 [Galazhinskii E. Universitet kak smysl zhizni. *Ekon. strateg.* 2015. No. 3. P. 116–117 (in Russ.)].
3. Лапин Н. И. Гуманитарный выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социол. исслед. 2016. № 5. С. 23–34 [Lapin N. I. Humanist choice of Russian population and focuses of Russian sociology. *Sotsiologicheskie issled.* 2016. No. 5. P. 23–34 (in Russ.)].
4. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования : монография / Д. Л. Константиновский [и др.]. М., 2015.
5. Маршак А. Л. Культура: социальные смыслы и социальные реалии. М., 2013.
6. Бибков А. Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.
7. Асмус В. Ф. Метафизика Аристотеля // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1976. Т. 1.
8. Рассел Б. Исследования значения и истины : пер. с англ. М., 1999.
9. Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье : из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
10. Делёз Ж. Логика смысла : пер. с фр. М. ; Екатеринбург, 1998.
11. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX веков. М., 2015.
12. Лекторский В. В., Гараи Л. О теориях деятельности : диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает // Вопр. философии. 2015. № 2. С. 25–37 [Lektorskii V. V., Garai L. On activity theories : a dialogue about what is their richness and their deficiency. *Vopr. filos.* 2015. No. 2. P. 25–37 (in Russ.)].
13. Смирнов А. В. «Смысл» и «форма»: два пути трансценденции (О. Памук и классическая арабо-мусульманская эпистемология) // Вопр. философии. 2016. № 4. С. 27–41 [Smirnov A. V. «Meaning» vs «form»: reading O. Pamuk in the perspective of classical Islamic epistemology. *Vopr. filos.* 2016. No. 4. P. 27–41 (in Russ.)].
14. Шрейдер Ю. Смысл // Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. Т. 3. С. 576–577.

15. Кант И. Лекции по этике. М., 2000.
16. Франкл В. Е. Человек в поисках смысла. М., 1990.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
18. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
19. Трубецкой Е. Н. Избранное. М., 1995.
20. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 1916.
21. Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1923.
22. Межуев В. М. Ценности и смыслы в контексте культуры // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015). СПб., 2015. С. 802–805.
23. Зеленкова И. Л. Проблема смысла жизни: опыт историко-этического исследования. Минск, 1988.
24. Капранов В. А. Нравственный смысл жизни и деятельности человека. Л., 1975.
25. Попов Б. Н. Взаимосвязь категории счастья и смысла жизни. М., 1986.
26. Чудновский В. Э. Смысл жизни: Некоторые итоги и перспективы исследования // Психол. журн. 2015. Т. 36, № 1. С. 5–19 [Chudnovskii V. E. The meaning of life: results and perspectives of research. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015. Vol. 36, No. 1. P. 5–19 (in Russ.)].
27. Леонтьев Д. А. Психология смысла : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.11. М., 1999.
28. Бабайцев А. Ю. Смысл и значение // Всемирная энциклопедия. Философия / под ред. А. А. Грицанова. М., 2001.
29. Чешев В. В. Антропологический смысл категории «деятельность» // Вопр. философии. 2016. № 2. С. 22–32 [Cheshev V. V. The Antropological meaning of the Category of Activity. *Vopr. filos.* 2016. No. 2. P. 22–32 (in Russ.)].
30. Длугач Т. Б. Здравый смысл как философская идея французских просветителей // Философ. науки. 2015. № 9. С. 127–140 [Dlugach T. B. Common sense as a philosophical idea of the French enlightenment. *Filosofskie nauki*. 2015. No. 9. P. 127–140 (in Russ.)].
31. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
32. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1998.
33. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2001.
34. Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М., 2009.
35. Шюц А. Избранное. Мир, освященный смыслом. М., 2004.
36. Головин Н. А. К основам понятия смысла: актуализация вклада А. Шюца в теоретическую социологию // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики : материалы XVII Междунар. теоретико-метод. конф. (Москва, 7 апр. 2016). М., 2016 [Golovin N. A. K osnovam ponyatiya smysla: aktualizatsiya vklada A. Shyutsa v teoreticheskuyu sotsiologiyu. *Sotsiologiya zhizni: teoreticheskie osnovaniya i sotsial'nye praktiki* : materialy XVII mezhhdunar. teoretiko-metod. konf. (Moscow, 7 April 2016). М., 2016 (in Russ.)].
37. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М., 2002.
38. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
39. Никольский Н. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. М., 2015.
40. Синеокая Ю. В. Философия Фридриха Ницше как зеркало конструирования постсоветской национальной идентичности России // Вопр. философии. 2015. № 12. С. 124–137 [Sineokaya Yu. V. Friedrich Nietzsche's philosophy as a mirror of designing of postsoviet National Identity of Russia. *Vopr. filos.* 2015. No. 12. P. 124–137 (in Russ.)].
41. Карпинский К. В. Неконгруэнтный смысл жизни и смысложизненный кризис в развитии личности // Актуальные проблемы психологии личности : в 2 ч. Гродно, 2012. Ч. 2. С. 101–147.
42. Шульц В. Л., Любимова Т. М. Тайные языки как конструкты социальной реальности // Социол. исслед. 2016. № 6. С. 3–13 [Shul'ts V. L., Lyubimova T. M. Secret languages as constructions in social reality. *Sotsiologicheskie issled.* 2016. No. 6. P. 3–13 (in Russ.)].
43. Хазиев З. А. Смысловое содержание техники от древнейших времен до эпохи Нового времени. Уфа, 2015.
44. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.
45. Зафировский М. Вне рационального выбора: элементы «теории иррационального выбора» // Социол. исслед. 2014. № 3. С. 19–28 [Zafirovskii M. Beneath rational choice. Elements of «rational choice theory». *Sotsiologicheskie issled.* 2014. No. 3. P. 19–28 (in Russ.)].

46. Фатенков А. Н. Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах // Философские науки. 2015. № 9. С. 64–78 [Fatenkov A. N. Existential Realism in Senses and person : Albert Camus. *Filosofskie nauki*. 2015. No. 9. P. 64–78 (in Russ.)].

47. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социол. исслед. 2015. № 12. С. 4–16 [Gorshkov M. K. Sedova N. N. Self-sufficient Russian and their life priorities. *Sotsiologicheskie issled.* 2015. No. 12. P. 4–16 (in Russ.)].

48. Согомонов А. Ю. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю. А. Левада. М., 1993.

49. Левашов В. К. Реформы и кризис: тридцать лет спустя // Социол. исслед. 2015. № 10. С. 31–38 [Levashov V. K. Reforms and crises: thirty years later. *Sotsiologicheskie issled.* 2015. No. 10. P. 31–38 (in Russ.)].

Статья поступила в редколлегию 05.09.2016.
Received by editorial board 05.09.2016.